

Ведь мы приехали из разных мест: я пользуюсь упрощенными иероглифами, он — полными; я читаю иероглиф «хэ» как «хэ», а он читает его как «хань». К тому же, даже в лаборатории профессора Ло «аборигены» порой сталкивались с дискриминацией. Внезапно я осознал: кажется, я все еще надеюсь встретить «своих». А А Вэнь? Можно ли считать его своим? А Вэй? Его-то точно стоит причислить к своим, верно? Возможно. Я не был уверен. Что там у него с Юй Цзяхуэй? Не собираются ли они пожениться? Мне вдруг стало скучно. Я поспешил снова напускно рассмеяться, чтобы вернуться в ту атмосферу подлой, приземленной радости. В конце концов, мы с А Вэнем общались на языке, понятном только нам двоим. Это была наша привилегия. Я давно мечтал с кем-нибудь разговаривать так, чтобы окружающие не понимали ни слова. В университете Цинхуа наши соседи по общежитию были родом из самых разных провинций, и всякий раз, когда приходили земляки, они переходили на диалект и принимались оживленно болтать. Войдя в раж, они начинали громко хохотать, а я почти ничего не понимал из их разговоров. Иногда они заливались смехом совершенно внезапно, и мне приходилось в панике проверять, все ли в порядке с моей одеждой — например, застегнута ли ширинка.

Я, скорее всего, выдавал желаемое за действительное. Раньше меня раздражало, что у них есть такая привилегия. Мой диалект — это путунхуа, поэтому у меня, похоже, не было возможности хранить какие-либо секреты. Впрочем, ко мне и нечасто приходили гости. Особенно после того, как Вэй познакомился с Юй Цзяхуэй. Тот темнокожий толстяк был куда менее впечатлительным, чем я. Мы с А Вэнем смеялись во весь голос, а он оставался совершенно невозмутимым. Я внезапно почувствовал укол совести и предложил уйти из этого кафе. А Вэнь предложил мне сесть за руль. С сияющим лицом он сказал: «С сегодняшнего дня ты будешь моим личным водителем». Мне не хотелось портить ему настроение. Я завел старенькую Тойоту и медленно выехал с пустынной парковки Макдоналдса. В салоне стояла духота, словно в печи. В отличие от того, что было месяц назад, теперь даже ветер, врывающийся в окно, был теплым. По крайней мере, А Вэнь больше не чихал. Подумалось: весна, вероятно, закончилась. В полдень на улицах стало заметно больше машин — видимо, все выехали на обед. Наша Тойота тихо остановилась в длинной очереди, ожидая, когда на светофоре красный сменится зеленым. Позади внезапно раздался резкий визг тормозов, а следом что-то с силой врезалось в заднюю часть машины. Меня подбросило на сиденье, но тут же дернуло назад ремнем безопасности — шею больно сдавило. Мы с А Вэнем вскрикнули в один голос. Выскочив из машины, мы увидели, что здоровенный джип буквально целует «задницу» нашей Тойоты. Это был тот самый джип, который мы видели на экране телевизора в Макдоналдсе. Старенький багажник Тойоты превратился в кривую вмятину, а крышка приподнялась вверх. Джип пострадал меньше, хотя одна передняя фара разлетелась вдребезги. Из джипа выскочила агрессивная чернокожая женщина. Ее волосы были заплетены в бесчисленные крошечные косички, жирно прилипшие ко лбу. У края рта виднелось ярко-красное пятно, тянувшееся до самой мочки уха. Сначала я подумал, что это помада, но потом решил — кетчуп, ведь она тоже только что вышла из того же Макдоналдса. Неважно, помада это была или картошка фри в соусе, виноват был явно не я. Я собрался с духом, готовясь к скандалу. Но стоило женщине заговорить, как весь ее воинственный пыл улетучился. Голос ее звучал мягко и испуганно. Она принялась извиняться и, чуть не плача, посетовала, что теперь ее страховка наверняка подорожает. Похоже, она просто переволновалась и вовсе не собиралась вести себя агрессивно. Мне вдруг стало противно от самого себя. Мы обменялись номерами телефонов, правами и номерами страховок. Не дожидаясь полиции, мы решили разъехаться. Машины были повреждены, но вполне на ходу. Кто бы мог подумать, что мои права пригодятся в первый же день после сдачи экзамена? Правда, это была всего лишь бумажка, временное подтверждение, а настоящий пластик с моей фотографией придет только через месяц. Я снова взглянул на разбитый багажник, и меня снова охватило чувство вины. Ведь машина А Вэня пострадала по моей вине. Если бы я водил увереннее, возможно, удалось бы избежать этой аварии: я ведь

держал дистанцию, а если бы все время следил за зеркалом заднего вида, мог бы успеть свернуть на заправку. Все-таки опыта вождения у меня было маловато. Я стоял у двери, сомневаясь, стоит ли отдавать ключи А Вэню. Он, кажется, прочел мое раскаяние. Подойдя ближе, он утешил меня и сам открыл передо мной дверь. Сказал, что машина застрахована, к тому же виноваты не мы, так что кто-нибудь обязательно компенсирует ущерб. Открывая дверь, он положил другую руку мне на плечо. Плечи у меня хоть и не узкие, но не особо мощные, так что он легко нащупал выступающие кости. Оказалось, он выше меня ростом. Его жест — рука на моем плече — выглядел совершенно естественным. Я удивился, почему раньше этого не замечал. Может, потому что его улыбка казалась такой юной? Мне даже всегда казалось, что он намного младше меня, но сейчас он вел себя по-взрослому, утешая обеспокоенного, словно ребенок, меня. И все же машина была повреждена. Я чувствовал, что должен хоть что-то сделать. Но что я мог?

А Вэнь позвонил в страховую компанию, и ответ оказался для нас совершенно неожиданным: поскольку А Вэнь не приобрел страховку от столкновений, страховая компания не только не компенсирует ему ущерб, но и виновная сторона — та чернокожая женщина с кетчупом на губах — тоже ничего не обязана платить! Где это видано? Разбил чужую машину — и не надо платить? Неужели виноват тот, в кого врезались? Кто виноват, что ты не купил страховку от столкновений? Это как если бы у тебя обокрали дом, потому что ты забыл его запереть, — значит, вор не виноват, сам виноват, что дверь не запер! Мы с А Вэнем отправились к стажеру-юристу в юридическую консультацию Мичиганского университета. Тот вежливо объяснил, что в штате Мичиган каждый владелец обязан покупать «страховку без вины», после чего владелец перестает нести ответственность за любой ущерб, который его автомобиль может причинить чужому. Ответственность, по сути, лежит на самом пострадавшем: если считаете, что ваша машина ценная, то и платите за дорогую страховку от столкновений. Высказавшись, юрист развел руками, показывая свое бессилие. Нам с А Вэнем оставалось только уйти с тяжелым сердцем. Я сказал А Вэню, что это наверняка страховые компании в сговоре с правительством штата приняли такие нелепые законы. На самом деле я ничего не понимал в юриспруденции, но испытывал стойкую неприязнь к самому слову «закон». Особенно к правилам дорожного движения. В детстве отец возил меня в школу на велосипеде, из-за чего я потом весь день не мог поднять головы от стыда. А в чем была моя вина? В чем был виноват отец? Разве я не имею права ненавидеть правила дорожного движения? А Вэнь промолчал, но его разочарование скрыть было невозможно. Я чувствовал себя все более виноватым. Внезапно во мне проснулась острая жажда денег — куда сильнее, чем когда я потерял работу в «Китайском доме». Я должен был помочь А Вэню починить машину. Но как? Где заработать столько денег? Приходится признать: порой мои желания действительно сбываются. Вскоре после аварии Стив неожиданно предложил мне еще одну работу — репетиторство для его соседа. В тот день Стив изо всех сил пытался открутить гаечным ключом заржавевший болт, но безуспешно. Сделав перерыв, он вдруг спросил, не интересуется ли меня подработка репетитором. Его взгляд все еще был прикован к тому самому болту, будто он разговаривал с ним. Он никогда не болтал со мной просто так, поэтому я поначалу усомнился в своем слухе. Лишь когда он поднял брови, посмотрел мне прямо в глаза и повторил сказанное, я понял, что он обращается ко мне. Увидев мое озадаченное лицо, он даже слегка покраснел. Раньше я думал, что его молчаливость — признак высокомерия, но сейчас мне показалось, что он, как и я, просто застенчив. Он объяснил, что его соседи — очень добрая семейная пара. У них есть замечательная дочка, которая скоро пойдет в среднюю школу, но вот беда — с математикой у нее совсем плохо. Пара хотела попросить Стива позаниматься с ней, и он сам был не против помочь, но из-за приближающегося окончания учебы и загруженности исследованиями вспомнил обо мне. Хотя, по моим ощущениям, он был не так уж и занят. Может, ему просто нужно больше времени на то, что ему действительно хочется делать? Но что для него значит «действительно

хочется»? Ходить с девушкой по магазинам или в кино? В лабораторию к нему никогда не заходила ни одна девушка, по крайней мере, я не видел. Однако каждый день, ровно в то время, когда он уходил из лаборатории, он сосредоточенно поправлял волосы и воротник, будто жизнь на день начиналась именно с этого момента. Взгляд Стива, полный немого вопроса, прервал мои мысли. Я поспешно кивнул, соглашаясь. Сейчас мне нужны были деньги, и это предложение стало настоящим спасением. Он тут же позвонил соседям, чтобы подтвердить мою кандидатуру. Я нарочно вышел из лаборатории и стал слоняться по коридору. Я не привык, когда меня кому-то рекомендуют, даже на английском. Когда я вернулся, у него был сконфуженный вид. Я уж было подумал, что репетиторство сорвалось. Он сказал, что соседи хотят сначала провести собеседование. По его словам, он этого не ожидал. Он просил меня не злиться. Пояснил, что соседи хоть и люди добрые, но мало что смыслят в жизни, а на самом деле все иностранные студенты, которых он видел, особенно китайские, очень способные. Его оправдания поставили меня в неловкое положение, но в то же время я был тронут его чуткостью. Я поспешно изобразил энтузиазм, будто собеседование уже у меня в кармане. Не переставал благодарить его за помощь и заодно поторопил с назначением времени встречи.

На следующий день я вовремя пришел на собеседование. К моему удивлению, их дом оказался прямо рядом с остановкой университетского автобуса — я еще больше захотел получить эту работу. Собеседование проводили муж и жена одновременно. Они были грузными, двигались медленно и действительно производили впечатление добрых, недалеких людей. Дочки во время встречи я не увидел. Мой дух был на подъеме, тон — на удивление преувеличенным. Я полностью свалил плохие оценки по математике на неправильный подход, напроочь проигнорировав вопрос о врожденных способностях. Чтобы завоевать доверие, я, не жалея себя, рассказывал, как в начальной школе ненавидел математику, как у меня были ужасные оценки, а потом появился талантливый учитель, благодаря которому я стал гением математики и прошел путь от лучшего инженерного вуза Китая до известного американского технологического института. На самом деле я почти все детство провел дома. Я не помнил ни одного учителя математики. Все мое время уходило на возню с хламом в углах кухни и туалета. Но мой пространственный монолог явно впечатлил добрую американскую пару. В их заблестевших глазах я увидел вспыхнувшую надежду. Помню, когда я впервые их увидел, их взгляд показался мне совершенно тусклым. Они с радостью согласились доверить мне обучение дочери: шесть часов в неделю по двадцать долларов в час. Эта сумма стала для меня огромным сюрпризом. Однако я сохранял самообладание, ничем не выдав своей безумной радости. На следующий день в семь тридцать вечера я был на месте и начал занятие. Дочку звали Санни. Она была такой же пухлой, как и родители, но в ее глазах читалось нечто странное. Впрочем, эта хитринка явно не помогала ей в математике. Трудности этой работы превзошли все мои ожидания. В университете я легко объяснял задачи по математическому анализу, поэтому меня часто осаждали сокурсники, пасующие перед высшей математикой. Но даже те ребята не считали сложение в пределах десяти на пальцах. Столкнувшись с озадаченным взглядом Санни, я сначала не знал, что и делать. Она учила дроби. Глядя в задание, она десять минут перебирала свои пухлые пальцы, а затем с гордостью заявила, что $\frac{1}{2} + \frac{1}{3} = \frac{2}{5}$. Я пошагово расписал сложение дробей, заставляя ее считать по алгоритму. Она надолго застряла на первом этапе: не знала, сколько будет дважды три. Я сказал — шесть. Еще через десять минут она наконец насчитала $\frac{5}{6}$. Я с облегчением выдохнул. Чтобы решить корень проблемы, я заставил ее учить таблицу умножения. Она вдруг начала возмущаться, заявляя, что в школе про такую таблицу никогда не слышала и вообще ее учителя против зубрежки. Я настоял на своем и пообещал: если она без запинки расскажет таблицу от одного до пяти, я дам ей три доллара, а если от шести до девяти — еще три. Ее возражения сменились торгом. В итоге я поднял награду до пяти долларов — это был мой предел. Кто бы мог подумать, что для заработка денег здесь

потребуется инвестиции? Подумалось: если она хоть как-то освоит четыре арифметических действия, из нее выйдет неплохой торговец. Весь остаток первого дня ушел на то, чтобы проконтролировать зубрежку. В лабораторию я вернулся уже в одиннадцать вечера. Закончил дела, собирался уходить, как дверь открылась — вошел А Вэнь в униформе «Китайского дома». С каких пор он полюбил эту форму? Весна прошла, аллергия на пыльцу отступила, он перестал чихать, так что я заметил его приход лишь тогда, когда дверь тихо скрипнула. Я к этому не привык. Я улыбнулся, настроение было отличным — ведь сегодня был улов. Он же слегка нахмурился, в его взгляде читалось легкое недовольство. Сказал, что заходил уже дважды после смены, но оба раза застал закрытую дверь. Я объяснил, что ходил на репетиторство. В душе закралось сомнение: неужели мы договаривались встретиться сегодня? Я не посмел переспросить, боясь, что договор был, а я его забыл. Я совершенно не доверял собственной памяти — это было уже давно. К счастью, история с репетиторством его заинтересовала, и он забыл об этом мнимом свидании. Даже я сам забыл. Я рассказывал, какая Санни бестолковая, слегка преувеличивая. Он развеселился, согнулся в три погибели, и его гладкая молочно-белая рубашка натянулась на спине.

Я не удержался и слегка коснулся рукой этой рубашки. Он продолжал смеяться, его теплая спина мелко подрагивала. Моя рука скользнула по его спине и задержалась на плече. Несмотря на кажущуюся полноту, я все так же легко нащупал выступающие кости. Он внезапно склонил голову, и его горячая щека коснулась моей руки. Это длилось всего секунду. Он поспешно поднял голову, я тоже отдернул руку. Я поспешил продолжить историю про Санни. Смешного там уже ничего не было, но он старался улыбаться. Наконец, я замолчал. Тишина всегда неловка. Я спросил, почему он до сих пор не дома. И с ужасом понял, что выдал себя. Если мы действительно договаривались, он теперь знает, что я про это забыл. Он ответил: «Разве ты не обещал быть моим водителем? Как же ты в первый же день собрался прогуливать?» Меня осенило. Я-то думал, это просто шутка, а он, оказывается, говорил серьезно. Я поспешно улыбнулся и кивнул. Мы пошли к его Тойоте под лунным светом. Багажник все так же зиял вмятиной, крышка была примотана проволокой, чтобы не торчала вверх. Да и какой из меня, в сущности, водитель? Сначала я отвозил его к себе, потом выходил, и он ехал к себе домой. Для него это был большой крюк, ведь он жил при университете, а я — за несколько миль от него. Так продолжалось почти каждый день. Скорее уж, это он был моим водителем, каждый день отвозя меня домой. А то, что я сидел за рулем — просто формальность. Я оставался перед ним в еще большем долгу. Нужно ли мне его отдавать? Как? По моим понятиям, мы даже не «свои». Мы не знаем друг друга. Мы даже никогда не ссорились. А вот с Вэем я ссорился много раз. Но при расставании — никогда. Возможно, потому что в тот момент я его ненавидел. А может, потому, что дистанция между нами была слишком велика — я стоял на балконе, а он — под фонарем у рва. Лунный свет той ночи в памяти кажется таким бледным. Или тогда была луна? Или шел дождь? Фонарь тоже был бледным. Ох, моя память! Я все еще помню, как той ночью он помахал мне рукой, а потом развернулся и ушел, растворившись в вечерних сумерках. Пекинские сумерки незаметно для всех становились все бледнее.

У Санни была отличная память. Меньше чем за неделю она успешно заработала у меня десять долларов. Конечно, я тоже заработал сто двадцать долларов у ее родителей. Мысль о том, что мой ежемесячный доход вырастет на пятьсот долларов, приводила меня в восторг. Я примерно прикинул в ближайших автосервисах: если восстанавливать Тойоту как новую, замена всего заднего модуля обойдется примерно в две тысячи долларов; если же просто отриховать и привести в приличный вид — не меньше пятисот. Я решил потратить пятисот, чтобы просто привести ее в чувство. Все равно старая Тойота даже в идеальном состоянии вряд ли стоила больше двух тысяч. Однажды ночью, когда А Вэнь вез меня домой, я осторожно спросил, как он

собирается чинить машину. Он небрежно ответил, что такая старая машина того не стоит, и зачем ее вообще чинить? Он старался выглядеть равнодушным. Но я знал, что в душе он до сих пор переживает. Его жизнь зависела от заработка в «Китайском доме», и я полагал, что оплатить ремонт он вряд ли сможет. Я стал молча ждать удобного случая. Прошло несколько недель, у Санни начались летние каникулы, но мои уроки продолжались. Возможно, благодаря тому, что она вызубрила таблицу умножения, на итоговых экзаменах она получила невероятную для себя оценку — В-. Конечно, увидев ее работу, я не мог представить, насколько нужно быть отсталым, чтобы получить оценку ниже С. Но от родителей я знал, что в прошлые годы она даже С не получала. За несколько недель у их дочери был такой заметный прогресс, что, конечно, они хотели закрепить успех летом. Мой банковский счет тоже немного пополнился. Более того, я получил свою первую кредитную карту. Наконец подвернулся случай починить машину А Вэня. Его научную статью отобрали для участия в национальной конференции, профессор Ло был доволен и решил взять его с собой в Сан-Франциско. Я узнал об этом, когда вел машину. А Вэнь сидел рядом и смотрел на меня. Он сказал: «Все-таки в первый раз, я немного нервничаю. Но если выступлю хорошо, может, профессор даст мне полную стипендию». Профессор Ло, хоть и был добрым и приветливым человеком, к студентам относился строже, чем босс к наемным работникам. Среди аспирантов в его лаборатории были те, кто получал деньги по часам, без полной стипендии. А Вэнь был одним из них. Я знал, что он всегда мечтал о полной стипендии — тогда ему не пришлось бы больше подрабатывать в «Китайском доме». Теперь шанс выпал, и я был искренне рад за него. На его лице сияла детская, лучезарная улыбка.

<http://bllate.org/book/21154/2144368>